

Михаил Константинович Чуркин

Омский государственный педагогический университет, доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры отечественной истории, Омск, Россия
e-mail: proffchurkin@yandex.ru

«Война для девочки в альпийской деревне»: репрезентации воспоминаний детства о Второй мировой войне в автобиографическом тексте Моник Мейер

Аннотация. В статье выявляется содержание репрезентаций воспоминаний детства о Второй мировой войне в автобиографическом тексте профессора экономики университета Гренобля Моник Мейер. С опорой на междисциплинарные исследования обосновываются возможности автобиографической памяти и модели их реализации в эго-текстах, отражающих беспрецедентно личное. В процессе исследования принималось во внимание, что воспоминания о детстве, подобно всякому тексту мемуарного характера, основаны на индивидуальной памяти «вспоминающего», с присущими ей имманентными свойствами человеческой памяти. Вместе с тем исходным в работе являлся тезис М. Хальбвакса, согласно с которым ненадежность индивидуальной памяти может компенсироваться опорой на коммеморативные останки, а также сюжеты, включенные в социальные рамки памяти, позволяющие «запустить» механизм воспоминаний.

Ключевые слова: воспоминания детства, автобиографический текст, автобиографическая память, социальные рамки памяти.

Mikhail K. Churkin

Omsk State Pedagogical University, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History,
Omsk, Russia
e-mail: proffchurkin@yandex.ru

“War for a Girl in an Alpine Village”: Representations of World War II Childhood Memories in Autobiographical Text by Monique Meyer

Abstract. The article reveals the content of representations of childhood memories of World War II in the autobiographical text of Monique Meyer, professor of economics at the University of Grenoble. Based on interdisciplinary research, the possibilities of autobiographical memory and models for their implementation in ego-texts reflecting an unprecedented personal are substantiated. In the course of the study, it was taken into account that childhood memories, like any memoir text, are based on the individual memory of the “recollector”, with its inherent immanent properties of human memory. At the same time, the starting point in the work was the thesis of M. Halbwachs, according to which the unreliability of individual memory can be compensated by relying on commemorative remains, as well as plots included in the social framework of memory, which allow “triggering” the mechanism of memories.

Keywords: childhood memories, autobiographical text, autobiographical memory, social framework of memory.

Введение (Introduction)

Русский поэт И. Бродский однажды заметил: «... время, столкнувшись с памятью, узнает о своем бесправии» [1], определив тем самым, что память сердца всегда могущественнее тех разрушений, которые время неизбежно приносит с собой.

Вторая мировая война (1939–1945) долгие годы была стержнем коллективного опыта наций, источником этнической, социокультурной и поколенческой идентичности, в основание которой легло общее представление о прошлом. Вместе с тем и нами это еще не до конца осознано, последняя большая война, на протяжении длительного времени заполнявшая пространство человеческой памяти и яв-

лявшаяся важным аргументом коммеморативной политики, постепенно становилась и главным объектом стандартизации, обрастала множеством «штампов», тиражируемых на страницах учебников истории, научных монографий, в литературных произведениях, кинематографе, изобразительном искусстве, архитектуре.

Актуальность исследования определяется тем, что память о таком грандиозном событии, как Вторая мировая война, в системе координат памяти поколений, обладает рядом важных функциональных характеристик, в частности подвижностью и лабильностью, что ориентирует представителей гуманитарного знания к осмыслению не столько собы-

тийных аспектов прошлого, сколько рефлексии состояний: представлений о войне и коммеморативных практик, репрезентируемых в текстах очевидцев и направленных на подержание памяти о значимом событии.

Перечитывая труды М. Хальбвакса [2] и А. Ассман [3], мы не можем не соглашаться с авторами в том, что с завершением цикла действия активной социальной (коммуникативной) памяти начинается собственно «история», процесс мемориализации прошлого, в функционировании которого решающая роль принадлежит нормативной культурной памяти.

Тем большую ценность в глазах исследователя приобретают воспоминания непосредственных очевидцев событий, эго-тексты, в которых, по справедливому замечанию Л. П. Релиной, «...личность предстает перед нами не изолированной, а взаимодействующей с другими личностями, со своей социальной средой, со всем окружающим миром в самых разных его проявлениях» [4, с. 11].

К числу таких личностей относится профессор Моник Мейер, часть детства которой прошло в военные годы в альпийской деревне. Моник Мейер в период 1990–2000-х гг. регулярно приезжала в Омск, посещала лекции преподавателей Омского государственного педагогического университета, руководствуясь соображениями изучения русского языка и культуры. Результатом этих «командировок» стала подготовка рукописи воспоминаний о детском периоде ее жизни, помощь в стилистической обработке которых была оказана канд. филол. наук, доцентом кафедры литературы и культурологии Н. В. Проданик (Мейер М. Войны живая память. Воспоминания Моник Мейер о военном детстве: [рукопись] / авт. предисл. и ред. Н. В. Проданик. [Б. м.], 2020. — Далее по тексту: ММ). В 1939 г. Моник исполнилось 5 лет — возраст, по авторитетному свидетельству К. Нельсон, выхода из детской амнезии и формирования автобиографической памяти [5, р. 127].

Литературный обзор (Literature Review)

Безусловно, читая текст Моник, позиционируемый в исследовании как эго-документ эпохи, необходимо помнить о специфике воспоминаний о детстве взрослого человека, учитывать, что таковые, как правило, «отягощены» поздней авторской рефлексией. З. Фрейд определял детские воспоминания как позднейшую обработку давних впечатлений, подвергшихся воздействию различных психических сил более позднего времени, и при этом полагал, что воспоминания остаются отражением реальных событий, происходивших в прошлом человека [6, р. 48]. В качестве комментария необходимо заметить, что в современных психологических исследованиях автобиографической памяти сложилось устойчивое представление о том, что подобная память не возникает одновременно и по мере преодоления гипотетической «границы» детской амнезии количественные и качественные характеристики воспоминаний о детстве значительно уступают воспоминаниям о любом другом временном отрезке прошлого [7, с. 17]. По данным специалистов, воспоминания, относящиеся к периоду до 10-летнего возраста, не превышают 5 % от общего числа [8, р. 212], имея тенденцию значительно сокращаться по мере увеличения временной дистанции до момента опроса [7, с. 18].

Методы (Methods)

Воспоминания о детстве, подобно всякому тексту мемуарного характера, основаны на индивидуальной памяти «вспоминающего», с присущими ей имманентными свойствами человеческой памяти: фрагментарностью, пустотами, неточностями. Ошибки памяти и эффекты реминисценции, обусловленные временной дистанцией, субъективные интересы мемуариста — вот неполный перечень препятствий, с которыми невольно сталкивается исследователь эго-текста, посвященного описанию детских лет его автора.

В этой связи особую значимость приобретает ответ на вопрос, касающийся инструментальных приемов исследования, методологии, позволяющей обеспечить обоснованность и достоверность авторских свидетельств.

В значительной мере ответ на этот вопрос был дан французским философом, ярким представителем социологической школы Э. Дюркгейма Морисом Хальбваксом в опубликованной еще в 1925 г. монографии «Социальные рамки памяти» [9]. М. Хальбвакс, полемизируя со своим наставником А. Бергсоном, полагавшим, что историческая реальность предстает в нашем сознании в завершенном виде, настаивал на существовании социальных рамок памяти, когда «сырые» образы индивидуальной памяти могут быть дополнены фактами, которые хранит общество, позволяя тем самым восполнить ту или иную часть личного прошлого. М. Хальбвакс писал: «Чтобы вспомнить свое былое умственное состояние, недостаточно понаблюдать за детьми того возраста, в каком мы были тогда. Надо еще и в точности узнать, каким было наше окружение, наши интересы и вкусы...» [9, с. 124] По констатации Хальбвакса, если воспоминания — это просто образы, составленные вместе во времени, и если они стремятся к новому появлению в силу свойственного каждому из них внутреннему импульсу, то для того, чтобы более старые из них ускользали от нас, не больше оснований, чем для того, чтобы из нескольких предметов равной плотности, брошенных в воду, тонули лишь брошенные первыми, а остальные всплывали обратно на поверхность [9, с. 126–127]. Ученый приходит к выводу, что воспоминание может и не сохраняться, но при этом наше нынешнее сознание содержит в себе и находит вокруг себя средства, позволяющие его выработать. Если оно не воспроизводит воспоминания, значит, этих средств было недостаточно [9, с. 129]. Согласно рассуждениям последователей Хальбвакса, ненадежность индивидуальной памяти может компенсироваться опорой на коммеморативные останки и принятие представлений о прошлом других групп, поскольку «...воспоминания не передаются в одиночестве» [10, с. 170].

Выводы М. Хальбвакса и его последователей по ряду параметров согласуются с тезисом современных авторов, считающих, что автобиографическая память формируется в качестве новообразования на основе семантической и эпизодической подсистем памяти в ходе совместной мнемической деятельности ребенка и взрослого в конкретной социальной ситуации развития. При этом эффективным социальным регулятором автобиографической памяти выступает родительский стиль включения ребенка в автобиографическую беседу, который оказывает значительное

влияние как на ситуативные, так и на отсроченные ее характеристики [11, p. 303].

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

Поскольку на основании воспоминаний Моник Мейер достаточно проблематично прямо утверждать, что автор текста в детском возрасте был активно инкорпорирован в автобиографические беседы с родителями, по косвенным признакам можно предположить наличие коммуникативной среды, в которую были включены 5-летний ребенок и его самые близкие родственники: отец, мать, бабушка, дедушка.

Истинность автобиографических воспоминаний во многом поверяется наличием и авторской репрезентацией контактов с родными, что предметно запечатлено в мемуарном тексте: «Дедушка с чуткой предосторожностью подготовил меня к разлуке. Он долго мне объяснял: “Твои родители оставили тебя у нас, чтобы ты не страдала из-за войны. Война закончилась, и детям следует жить у своих родителей. Больше всего тебе надо серьезно учиться. У твоих родителей денег мало, и если ты хочешь жить лучше нас, у тебя только один выход — школа. В Париже — хорошие школы, и родители лучше бабушки тебе будут помогать. Я, ты знаешь, сам не ходил в школу. Тебе прикажу слушаться родителей, яростно учиться в школе, твой отец — мой сын мне будет давать отчет. Никогда не забывай, что твои родители жертвуют собой ради тебя»; «Дедушка, бывший ветеран Первой мировой войны, старался мне объяснять: “Ты ненавидишь немцев за то, что они сделали, это понятно. А наслаждаться их мучениями нельзя! Стихийный инстинкт требует мщения, а примирение — владения собой!”»; «Папа запретил мне ходить смотреть это. Объяснял, как ему было стыдно, что французы так поступали: “У нас существует суд. Только он может судить, если любовные приключения с врагами являются предосудительными актами”»; «Горестно я объявила ей о страшном известии: я не могла играть, мать будет учить меня читать» [ММ].

Доверие к реконструируемым автором воспоминаний диалогам обеспечивается и в форме фиксации в них социализирующего типа воспитания детей, утвердившегося в конце XIX — первой половине XX в., с характерным для него стремлением не столько взять ребенка под полный контроль, сколько направить его на верный жизненный путь, социализировать, встроить в общество. Подобный тип воспитания естественным образом предполагает появление между детьми и родителями эмоциональной близости, что интенсифицирует контакты и повышает уровень взаимопонимания.

Важным аргументом в пользу достоверности анализируемого эго-текста может служить признание межкультурных различий в функционировании автобиографической памяти: если представители восточных культур в воспоминаниях о детстве демонстрируют модель «повторяющееся — типичное (рутинное) — альтерцентричное», то в автобиографических рассказах европейцев воспроизводится схема «уникальное — яркое — эгоцентричное», акцентируется внимание на необычных, перцептивно ярких и имеющих в качестве центрального действующего лица самого субъекта эпизодах [7, с. 19].

К этому следует добавить, что воспоминания о раннем детстве всегда окрашены в яркие тона. Очевидно, что мемуарный текст Моник Мейер является «первым воспоминанием», которое актуализируется по типу «яркого» и имеет выраженный эмоциональный оттенок. В данном плане воспоминания автора о катастрофических событиях оккупации отражают не только рефлексии ситуации взрослым человеком, но и ощущение ребенка, для которого свойственно исключительно позитивное восприятие жизни. Описывая бедствия, обрушившиеся на альпийскую деревню Бриансон с началом оккупационного режима, Моник резюмирует: «...Быстро о событиях забыли и снова играли и смеялись. Для нас жизнь в шале была приятной. Об опасности мы, дети, не думали. Мы не могли спуститься в деревню и поэтому не жали хлеб — как хорошо! Для нас было раздолье, и в приволье мы жили. Мы помогали людям, которым принадлежали домики. Но нас было много, и полей мало. Мы спали в сараях, в сене, мы разыгрывались на воле! Беззаботными детьми мы пережили этот скорбный период!» [ММ] Данный фрагмент мемуаров достаточно типичен и интернационален. Сопоставляя ощущения девочки из альпийской деревни и сибирских детей периода Великой Отечественной войны, можно обнаружить очевидную общность детского эмоционального состояния: «Наконец услышали: “Война!” Женщины навзрыд заплакали, мальчишки закричали: “Ура!”, пошли палками сечь крапиву...» [12, с. 38]; «Женщины соберут нас, малышню, чтоб мы не болтались где попало... и дадут нам задание, чтобы мы вот лошадей гоняли, вроде как забава...» [13, с. 178–179]; «Но дети всё равно находили время побегать на улице, играли в войну» [13, с. 180]; «Чуть свободное время — бежим играть, да младших сестренек за собой ташу, надо и за ними приглядывать. Играли в “чухи” да шарики» [12, с. 21].

Одним из значимых пластов автобиографической памяти является отношение к знаковым событиям детского периода жизненного цикла как к «важным». Основное содержание воспоминания о важном событии составляет авторская оценка исторических обстоятельств, сопутствующих ему, «взгляд на прошлое из сегодняшнего дня». «Важное» событие определяется при этом как социально значимое.

Воспоминания о детстве, составленные Моник, очень личные, интимные, и в то же время в них представлен социокультурный фон эпохи, что подтверждает научный тезис, сообразно с которым в «детской» автобиографической памяти событие погружено не в ситуативный (событийный), а в смысловой контекст истории жизни. Форма осознания события имеет социально-смысловую, обладающую динамикой во времени, произвольно реконструируемую организацию.

Текст воспоминаний структурирован автором таким образом, что позволяет зафиксировать представление о социально-политических и культурных событиях в Европе и в приграничных регионах Франции конца 1930-х — начала 1940-х гг. в поздней рефлексии мемуариста, а также об инструментальных возможностях человеческой памяти, для которой имманентно свойственна способность избирательного «вспоминания». По утверждению французского философа Анри-Луи Бергсона, «если для прояснения моего действия в данной точке пространства необходимо, чтобы мое

сознание преодолело один за другим все те промежутки, или интервалы, которые в общем составляют то, что называется *дистанцией в пространстве*, для достижения той же цели ему, напротив, полезно перескочить через интервал времени, отделяющий актуальную ситуацию от аналогичного положения в прошлом... сознание переносится туда одним скачком» [цит. по: 9, с. 126].

Восстанавливая исторический контекст времени, Моник задается вопросом: «Какой же я была перед войной? Почему я находилась в деревне в начале войны?» [ММ] В дальнейшем автор выстраивает последовательную картину экономических и политических обстоятельств, ставших своеобразным «пусковым» механизмом воспоминаний о детстве: «В тридцатых годах прошлого века, во время экономического кризиса, много молодых людей в поисках работы из альпийских районов уезжали в города. И так сделали молодая девушка из своего городка Бриансона и молодой парень из своей захолустной деревни — Санкт-Мартин, находящейся километрах в семи от этого городка. В это время они не знали друг друга. Но встретились на вечеринке альпийских “эмигрантов” в Париже. Они поженились, и я родилась в Париже в бурном 1934 г.». «Жизнь в деревне изменилась под влиянием международных событий» [ММ].

Отправным моментом авторского «вспоминания» детства становится, по словам Моник, описание «состояния бытия в деревне до начала войны» [ММ], что преследует цель: показать, как девочка чувствовала «развитие политических и стратегических соображений властей» [ММ]. Мемуарист предоставляет читателю яркую палитру полупатриархального быта и производства приграничной французской деревни как локального сообщества, с элементами натурального хозяйства и традиционного жизненного уклада, чье нормальное функционирование было прервано войной: «Деревня жила в почти замкнутой экономике. <...> Люди обрабатывали землю для собственных нужд, только для самообеспеченности, не производя почти ничего для рынка <...> Несмотря на низкую производительность труда, урожая хватало для семьи. Жители деревни мало покупали продуктов: только сахар, кофе, мыло, одежду и обувь, бумагу, набор для шитья, орудия, и мужчины покупали табак!!! Но разразилась война» [ММ].

Воспоминание о войне в мемуарном документе носит на себе отпечаток как «первых жизненных воспоминаний», актуализируясь по типу «яркого», так и «важного», оцениваемого автором постфактум. Отметим, что мемуарный текст с точки зрения стилистики определяется эмоционально-смысловым накалом, экспрессивной доминантой, что дает возможность прояснить психологическое состояние вспоминающего, его эмоциональное отношение к описываемому событию.

В ситуации с воспоминаниями Моник Мейер также происходит столкновение читателя с эмоционально-экспрессивным переживанием периода оккупации, реализуемым посредством конструирования образов: негативных, позитивных, нейтральных.

Негативные характеристики в авторской трактовке событий адресованы непосредственно оккупантам: «Во мне, в пятнадцатилетней девчужке, душу опалило злобой и ненавистью

к фашистам. Я чувствовала, что война была ужасна, двое из нас уже погибли»; «Когда немцы приехали в Бриансон, им надо было снабжаться продуктами. В это время дорога до пункта снабжения шла через ущелья, и партизаны убили одного немецкого солдата. После этого, когда оккупанты ездили за снабжением, они пользовались людьми как заложниками»; «Я сильнее ненавидела тех немцев, которые взяли моего дядю»; «Мы, дети, всё хорошо знали, но были воспитаны по горным правилам: “чужому, инородному — ничего не сказать”. Немцам никто из нас не мог бы проговориться о наших!» [ММ]

Носителями позитивного образа в глазах 5-летней Моник выступали участники сопротивления и союзники — освободители Франции: «Немецкие армии вторглись на французскую территорию. Мы узнали, что два деревенских молодых парня погибли. Мы, дети, знали их, иногда эти парни смешно дразнили нас, но их больше не увидим!»; «Когда союзники высадились в Нормандии, старшие были восторженными, война идет к концу, истребили нацизм»; «Союзные солдаты вошли в город. Какая прелесть для детей! Они нам подарили необычные для нас вещи. Американцы дали нам то, что деревенские дети никогда не пробовали: мясные и овощные консервы. Это было необычно, и всё было в металлических коробках, которые привезли из далекой Америки» [ММ].

С нейтральных позиций автором воссоздаются образы географических соседей — итальянцев, исторически входивших в орбиту экономических, социальных, культурных коммуникаций приграничных территорий Франции и Италии. Моник пишет: «Наша деревня находится недалеко от итальянской границы — по дороге километров 30, по горам — несколько часов. Итальянское государство Муссолини было союзником Гитлера, из-за этого для взрослых существовала угроза. А мы, дети, решительно не понимали их тревогу. Старшие повторяют нам, когда мы деремся между собой и “оскорбляем” кого-то позорящим для итальянцев именем: “В деревне мало кто может говорить, что у него нет ни капли итальянской крови”» [ММ].

Столь же неоднозначно оценивается автором такое явление, как коллаборационизм — военное, политическое и экономическое сотрудничество граждан государств антигитлеровской коалиции или представителей основных этнических групп данных государств с нацистской Германией, Японией и Италией в ходе Второй мировой войны. Вспоминая о своем эмоциональном состоянии в конце войны, мемуарист отмечает: «Была радость и увеличение населения, было возвращение пленных, но остались отдельные проблемы: очищение от коллаборационистов, возникновение суматохи и разгул страстей» [ММ]. При этом она добавляет, переживая события из настоящего времени: «...кроме материальных соображений, каждому французу, как и обществу, приходилось закончить “в себе” войну» [ММ]. Свое личное отношение к проблеме сотрудничества с врагом Моник Мейер формулирует так: «Надо было карать тех, кто предавал страну. Но трудно не поддаться жажде мщения... В кварталах появились виды карательных “трибуналов”, созданные некоторыми партизанами с участием коммунальных служащих. Они ловили женщин, находящихся в предполагаемых любовных отношениях

с немецкими солдатами. Публично стригли и упрекали их. К сожалению, толпа страстно любит спектакли мучения. Она горячо одобряла и аплодировала. Люди столпились, чтобы слушать, смотреть и изливать свою месть, ненависть и все свои самые подлые чувства. Папа запретил мне ходить смотреть это. Объяснял, как ему было стыдно, что французы так поступали. Я согласилась с папой, это было нечестно. В Бриансоне это было против традиции: «абсолютно не выносить сора из избы». Партизаны другого района взяли и стригли двух женщин города. Возникло такое негодование горожан, что эти «поборники закона» быстро убежали. Я горжусь моими земляками!» [ММ]

Воссоздание контекста событий и их повторное переживание и осмысление как «ярких» и «важных» позволило автору встроить в канву «большой» истории сюжеты личной повседневности: эмоции ребенка, вызванные переменами в семейной жизни и новым культурным окружением: «Расставание с бабушкой и дедушкой было мучительно»; «Отношения с родителями основывались на чужих для меня правилах и выражались согласно городской культуре. Дикой девочке непостижимыми были ужимки парижских учениц: в деревне мы решали несогласия драками. В учебе было не менее ужасно. Я отстала от других учениц и была смешной. У меня был альпийский акцент, для парижан южный говор — смехотворный, и более этого плохо понимала и говорила по-французски. Что сказать о переходе от свободной деревенской, коллективной жизни альпийской деревни в гражданский, индивидуальный, непостижимый парижский мир? Вдруг всё стало для меня шиворот-навыворот» [ММ].

Заключение (Conclusions)

Подводя общие итоги, необходимо отметить несколько важных моментов.

Во-первых, автобиографический текст, несомненно, является текстом культуры, который, будучи скрепленным авторским «Я», предоставляет возможность выявления уникального и беспрецедентно личного, и в то же время тесно связанного с социокультурными обстоятельствами существования человека. В данном отношении обращение к корпусу воспоминаний современников событий — детей войны, помогает раскрыть индивидуальные реакции «человека второго плана в истории» на череду политических, культурных, социальных явлений, инициированных событиями военных лет, реконструировать повседневный мир военного детства, помещенный в контекст катастрофических событий эпохи.

Во-вторых, и мемуары М. Мейер в известной степени тому подтверждение, личные автобиографические воспоминания можно интерпретировать как способ взаимодействия «вспоминающего» с окружающим миром, переживания его как части себя, собственного жизненного опыта, инструмент и стратегию адаптации.

В-третьих, воспоминания о Второй мировой войне в мемуарах М. Мейер одновременно представляют собой и воспоминания о детстве, что априори придает им ярко выраженный эмоционально-экспрессивный характер описания, что позволяет глубже проникнуть в сферу чувств человека, оказавшегося в сложной жизненной ситуации, выявить признаки его этнической и социокультурной идентичности.

Библиографический список

1. Бродский И. А. Дорогая, я вышел сегодня из дому поздно вечером... // Аскбука литературы : сайт. URL: <https://www.askbooka.ru/stihi/iosif-brodskiy/dorogaya-ya-vyshel-segodnya-iz-domu-pozdno-vecherom.html> (дата обращения: 10.06.2021).
2. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41).
3. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
4. Репина Л. П. Личность и общество, или История в биографиях (вместо предисловия) // История через личность: Историческая биография сегодня / под ред. Л. П. Репиной. М. : Кругъ, 2005. С. 5–16.
5. Nelson K. Self and Social Functions: Individual Autobiographical Memory and Collective Narrative // Memory. 2003. No. 11. P. 125–136.
6. Freud S. Childhood Memories and Screen Memories // The Complete Psychological Works of Sigmund Freud / Ed. & Trans. J. Strachey. London : Hogarth, 1960. Vol. VI. P. 43–52.
7. Нуркова В. В. Анализ феноменологии автобиографической памяти с позиций культурно-исторического подхода // Культурно-историческая психология. 2008. Т. 4, № 1. С. 17–26.
8. Siegler I. C., George L. K. Sex Differences in Coping and Perceptions of Life Events // Journal of Geriatric Psychiatry. 1983. Vol. 16. P. 197–222.
9. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М. : Новое издательство, 2007. 348 с.
10. Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с фр. М. : Изд-во гуманитар. лит., 2004. 728 с.
11. Haden C. A., Haine R. A., Fivush R. Developing Narrative Structure in Parent — Child Reminiscing Across the Preschool Years // Developmental Psychology. 1997. Vol. 33. P. 295–307.
12. Жизнь, опаленная войной: (воспоминания труженников тыла и детей войны) / сост.: Т. И. Царегородцева, Г. К. Нечаева. Омск : Амфора, 2015. 120 с.
13. Мы были... воспоминания о войне / авт.-сост.: Т. Ю. Березина, Я. А. Лугина. Омск : КАН, 2015. 208 с.

References

Assman A. (2014) *[Der Lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 328 p. (in Russian)

Berezina T. Yu., Lugina Ya. A. (eds.) (2015) *My byli... vospominaniya o voine [We Were... Memories of the War]**. Omsk, KAN Publ., 208 p. (in Russian)

Brodskii I. A. Drogaya, ya vyshel segodnya iz domu pozdno vecherom... [Darling, I Left the House in the Evening], *Askbuka literatury [Askbook of Literature]**. Available at: <https://www.askbooka.ru/stihi/iosif-brodskiy/dorogaya-ya-vyshel-segodnya-iz-domu-pozdno-vecherom.html> (accessed: 10.06.2021). (in Russian)

Freud S. (1960) Childhood Memories and Screen Memories, *Strachey J. (ed.) The Complete Psychological Works of Sigmund Freud*. London, Hogarth Publ., vol. VI, pp. 43–52. (in English)

Haden C. A., Haine R. A., Fivush R. (1997) Developing Narrative Structure in Parent — Child Reminiscing Across the Preschool Years, *Developmental Psychology*, vol. 33, pp. 295–307. (in English)

Halbwachs M. (2005) Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and Historical Memory]*, *Neprikosnovennyi zapas [Emergency Ration]**, no. 2–3 (40–41). (in Russian)

Halbwachs M. (2007) *[Les Cadres Sociaux de La Mémoire]*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 348 p. (in Russian)

Nelson K. (2003) Self and Social Functions: Individual Autobiographical Memory and Collective Narrative, *Memory*, no. 11, pp. 125–136. (in English)

Nurkova V. V. (2008) Analiz fenomenologii avtobiograficheskoi pamyati s pozitsii kul'turno-istoricheskogo podkhoda [Analysis of the Phenomenology of Autobiographical Memory within the Framework of Cultural-Historical Approach], *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, vol. 4, no. 1, pp. 17–26. (in Russian)

Repina L. P. (2005) Lichnost' i obshchestvo, ili Istoriya v biografiyakh (vmesto predisloviya) [Personality and Society, or History in Biographies (Instead of a Preface)]*, *Istoriya cherez lichnost': Istoricheskaya biografiya segodnya [History Through Personality: A Historical Biography Today]**. Moscow, Krug" Publ., pp. 5–16. (in Russian)

Ricœur P. (2004) *[La Mémoire, L'histoire, L'oubli]*. Moscow, Gumanitarnaya literatura Publ., 728 p. (in Russian)

Siegler I. C., George L. K. (1983) Sex Differences in Coping and Perceptions of Life Events, *Journal of Geriatric Psychiatry*, vol. 16, pp. 197–222. (in English)

Tsaregorodtseva T. I., Nechaeva G. K. (eds.) (2015) *Zhizn', opalennaya voinoi: (vospominaniya truzhenikov tyla i detei voiny) [Life Scorched by War: (Memories of Home Front Workers and Children of War)]**. Omsk, Amfora Publ., 120 p. (in Russian)

---

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by the author of the article.